

**РЕВОЛЮЦИЯ
И МЫ**

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

ДОРОГА В СССР

**КАК «ЗАПАДНАЯ»
РЕВОЛЮЦИЯ
СТАЛА
РУССКОЙ**

Революция и мы

Сергей Кара-Мурза

**Дорога в СССР. Как «западная»
революция стала русской**

«Алгоритм»

2016

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

Кара-Мурза С. Г.

Дорога в СССР. Как «западная» революция стала русской /
С. Г. Кара-Мурза — «Алгоритм», 2016 — (Революция и мы)

ISBN 978-5-906861-97-9

В книге известного российского писателя и ученого С.Г. Кара-Мурзы показано, как изначально типично западническая революция 1917 года превратилась в широкое национальное движение, что предопределило неизбежную победу большевиков и Ленина. Именно Октябрьская революция, утверждает и доказывает С.Г. Кара-Мурза, обеспечила выбор Россией своего особого пути развития («советского проекта» и далее СССР), который позволил ей за самые короткие сроки достичь впечатляющих результатов во всех областях общественно-экономической жизни. Как всегда, книга С.Г. Кара-Мурзы содержит глубокий анализ рассматриваемых событий и большое количество фактического материала.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906861-97-9

© Кара-Мурза С. Г., 2016
© Алгоритм, 2016

Содержание

Введение	5
1. Предыстория борьбы на распутье русской революции	9
2. «Развитие капитализма в России»: исходная позиция	15
3. Представление о крестьянстве: от марксизма к ленинизму	18
4. Крестьянская община в России: конфликт марксизма с ленинизмом	22
5. О характере русской революции	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Кара-Мурза, Сергей Георгиевич

Дорога в СССР. Как «западная» революция стала русской

Введение

Когда умер В.И. Ленин, Сергей Есенин написал: «Того, кто спас нас, больше нет». Сегодня нам надо это понять – не для того, чтобы разобраться в наших чувствах «любим – не любим», а ради *знания*.

Русская революция – главное событие XX века. Она – стартер мировой революции «крестьянских» стран, изменившей все мироустройство. Китай, Индия, Латинская Америка – ее дети. Она – конец модерна, за этим порогом все пошло не так, как предписано в проекте Просвещения. На мировую арену вышла *доиндустриальная* цивилизация, идущая в обход западного капитализма. Это – цивилизация крестьян и этносов, отвергнувшая господство гражданского общества и гражданских наций.

Мы, Россия, и сейчас живем в этой революции. Крах советского строя в его первой версии – ее эпизод, сегодня – лишь начало этого эпизода. Если мы хотим выжить как народ и как культура, надо *знать* и *понимать* эту революцию. Ленин – ее продукт и ее творец, ее теоретик и конструктор. Он – ключ к знанию и пониманию.

Наша беда, что Ленин и его соратники не имели времени, чтобы ясно описать свое дело и тем более *понять* его, они следовали *неявному* знанию. Эйнштейн сказал, что в физике он «сначала находил, потом искал». Ленин и его соратники находили, а искать академические формы найденного не было времени. Нам надо *реконструировать* ход их мысли и дела. Эту возможность мы получили только сейчас, когда и сникла советская идеология, превратившая Ленина в икону, и когда выдохся антисоветский черный миф Ленина. Молодым нужно холодное и достоверное знание, им разгребать руины и строить на пепелище – а главные удары еще впереди.

Вот условия для разумных суждений тех, кто не боится *знать*:

– Отделять свои нравственные оценки от фактов. Допустим, вы считаете священной собственностью помещиков на землю, но надо признать, что практически все крестьяне (85 % населения) считали ее незаконной. Это важный фактор реальности.

– Политика надо оценивать в реальных координатах, сравнивать не со святыми, а с теми, кто *в тот период* воплощал альтернативные проекты. Для Ленина мы имеем такой ряд: Керенский (*либералы-западники*), Деникин (*«белые»*), Савинков (*эсеры*), Махно (*анархисты*) и Троцкий (*коммунисты-космополиты*). Монархисты к концу 1917 г. уже сошли с арены, даже Столыпин стал историей. Мечтать о «добром царе» – детская забава. Все актуальные фигуры «предъявили» свои проекты, люди попробовали их на зуб, а не изучали в кабинетах. Отрицаете Ленина? Скажите, с кем бы вы были и почему в тот момент.

– Не надо копаться в мелочах. Надо сравнить два главных проекта, два вектора, задававших России разные (и расходящиеся!) цивилизационные пути. Один проект предполагал построение в России государства западного типа с рыночной экономикой. Его воплощали сначала Керенский, а потом Деникин и Колчак. Это – Февраль, *«белые»*. Другой проект – советский, его воплощал Ленин. Это – Октябрь, *«красные»*.

Эти проекты Россия сравнила не в теории, не по книгам, а на опыте. С февраля по октябрь 1917 г. – в мирных условиях сосуществования Временного правительства и Советов. Керенский проиграл вчистую. Под давлением и при участии Запада блок кадетов и эсеров

попытался вернуть власть военным путем, сравнение проектов происходило в форме гражданской войны. За ней наблюдала вся Россия, и военное соревнование белые также проиграли вчистую.

Надо прислушаться к мнению предков, для которых, как народу, этот выбор был вопросом жизни и смерти. Ошибка была бы фатальной. Совершенно не важно, какой из проектов нам сегодня нравится больше. Важно не сегодня и не наши предпочтения, а *тогда и то поколение*. О ценностях мы в ближайшее время не договоримся, сытый голодного не разумеет. Даже если сейчас захотелось жить по-рыночному, плевать в прошлое неразумно, если мы хотим ужиться на одной земле.

– О личности Ленина говорить не стоит. За ним не было замечено пороков или странностей, которые объясняли бы его мысли и дела. Он не был ни стяжателем, ни тираном. Это был умный и образованный человек, великий труженик, преданный своему делу, которое он считал справедливым. Многие сегодня считают его дело несправедливым. Пусть так. Но Ленин сделал дело своей совести *мастерски*, с большим успехом – так давайте брать у него пример именно в этом.

Ленин входил в мировую элиту социал-демократов, в «политбюро» второй партии в двухпартийной системе будущего Мирового правительства. Он блестяще выполнил последний завет Маркса – интеллектуально разгромил народников с их доктриной революции «не по Марксу» и развития «по некапиталистическому пути». Но, осознав смысл революции 1905 года, Ленин совершил радикальный сдвиг в обеих плоскостях раскола России – он встал в ряды *простолюдов* против *сословной элиты* и в стан *почвенников* против *западников*. За это одни его возненавидели, а другие – полюбили.

Что касается характера, то Сергей Есенин, поэт не купленный, о Ленине написал: «Слегка суров и нежно мил». А в другом месте:

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.

На какое-то время в России стали верить Познеру больше, чем Есенину, но это время проходит. Значит, будем говорить о *делах*, а не о личности.

– Надо прислушаться к носителям художественного чувства, оно часто приоткрывает знание. Были те, кто ненавидел Ленина, как Бунин. Были те, кто его принял, как избавление, – Блок, Есенин, Шолохов. Надо вникнуть в мотивы и тех, и других. А кто считает себя западником, пусть почитает современников Ленина, которые наблюдали его проект лично, – Бертрана Рассела и Ганди, Грамши и Кейнса. Все это – урок истории, его надо освоить независимо от нынешней позиции каждого.

Но это – первое приближение. Надо понять, что же такого ценного сделал Ленин, за что его уважали многие достойные и умные люди во всем мире и любила большая часть народа России. И что он сделал не так, из-за чего антисоветские силы через 70 лет одержали верх. Разговор трудный. Антিলенинская кампания последних 35 лет недобросовестна и нанесла всем большой вред. В ней не было разумной критики, и все сложные проблемы так принимались, что мы отвыкли ставить серьезные вопросы даже самим себе.

Вспомним ситуацию. С конца XIX века России приходилось одновременно догонять капитализм и убегать от него. Она слишком раскрылась Западу, а он не желал и уже *не мог* «принять» ее. Это было «исторической ловушкой»: возникли порочные круги, которые не удавалось разорвать. Замаячила революция как выход через *катастрофу*.

Было несколько проектов, все их перепробовала Россия. Каждый проект отражался в другом, каждая неудача обогащала знанием всех. Успешным был проект Ленина. Этот выбор

вынашивали все, в том числе оппоненты и противники. В этом рывке было сделано много открытий мирового значения.

Сегодня наше общество духовно больно – элита, вскормленная великими делами планетарного масштаба, эти дела своего народа старается принизить и оплевать.

В основе советского проекта был *крестьянский общинный коммунизм*. Маркс считал его реакционным, он исходил из того, что крестьянство должно исчезнуть, породив сельскую буржуазию и пролетариат. В это верил поначалу и Ленин. Его подвиг в том, что он преодолел давление марксизма, при этом нашел такие доводы, что стал не пророком-изгоем, каких немало, а вождем масс.

Назад из кризиса не выходят, и ленинизм соединил общинный коммунизм с идеалами Просвещения, что позволило России не закрыться в общине, а создать промышленность и науку – минуя котел капитализма. Это был новаторский проект, и он сбылся – на целый исторический период. И Победа, и Космос, и тот запас культурной прочности, на котором мы переживаем нынешний кризис, – результаты того проекта.

Ленин – мыслитель, конструктор будущего и виртуозный политик. В каждом плане у него есть чему учиться, он был творец-технолог. Он создавал прочные мыслительные конструкции и потому был свободен от доктринерства. Он брал главные, массивные процессы и явления, взвешивал их верными гирями. Анализируя в уме свои модели, он так быстро «проигрывал» множество вероятных ситуаций, что мог точно нащупать грань возможного и допустимого. Так было и с Брестским миром, и с военным коммунизмом, и с НЭПом, и с устройством СССР. Он не влюблялся в свои идеи и доводил сканирование реальности до отыскания всех скрытых ресурсов. Поэтому главные решения Ленина были нетривиальными и поначалу вызывали сопротивление партийной верхушки, но находили поддержку снизу.

Предвидения Ленина сбывались с высокой точностью (в отличие от Маркса). Читая его рабочие материалы, приходишь к выводу, что дело тут не в интуиции, а в методе работы и в типе мыслительных моделей. Исходя из трезвой оценки динамики настоящего, он «проектировал» будущее, а в моменты острой нестабильности подталкивал события в нужный коридор. В овладении этим интеллектуальным арсеналом он обогнал время почти на целый век. В этом плане Сталин был его учеником.

Ленин выдвинул и частью разработал с десяток фундаментальных концепций, которые и задали стратегию советской революции и первого этапа строительства, а также мирового национально-освободительного и левого движения.

Здесь отметим лишь те, которые советская история оставила в тени.

1. Ленин добился «права русских на самоопределение» в революции, то есть на автономию от главных догм марксизма и от мирового сообщества марксистов. Это обеспечило поддержку или нейтралитет мировой социал-демократии. Он преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединив «западников и славянофилов» в советском проекте. На полвека была нейтрализована русофобия Запада.

2. Создавая Коминтерн, Ленин поднял проблему «несоизмеримости России и Запада», проблему взаимного «перевода» понятий обществоведения этих двух цивилизаций. Эта проблема осталась неразработанной, но как нам не хватало в постсоветские годы хотя бы основных ее положений! Да и сейчас не хватает.

3. Ленин поднял и, в общем, успешно решил проблему *выхода из революции* (ее обуздания). Это гораздо сложнее, чем начать революцию. Гражданская война была остановлена резко, ее переход в «молекулярную» форму погубил бы Россию. Именно поэтому Есенин сказал, что Ленин «спас нас». Системность мышления и чувство динамики нелинейных процессов придали силу политическим технологиям Ленина.

4. Ленин предложил способ «пересобрать» русский народ после катастрофы, а затем и вновь собрать земли «империи» на новой основе – как СССР. Способ этот был настолько фундаментальным и новаторским, что приводит современных специалистов по этнологии в восхищение, – опыт XX века показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм.

Что не удалось сделать Ленину – это уже задачи для нас. Надо сказать на будущее.

Ленин предвидел (как позже и Сталин), что по мере развития советского общества в нем будет возрождаться сословность («бюрократия»), и сословные притязания элиты создают опасность для строя. Так и произошло. Никаких идей о том, как этому можно противодействовать, Ленин не выдвинул (как и Сталин). Не выдвинуты они и до сих пор, и угроза России со стороны «элиты» растет.

Ленин преувеличивал устойчивость мировоззрения трудящихся и рациональность общественного сознания, его детерминированность социальными отношениями. Он не придал адекватного значения тому культурному кризису, который должен был сопровождать индустриализацию и быструю смену образа жизни большинства населения. Этот кризис свел на нет тот общинный крестьянский коммунизм, который скреплял мировоззренческую матрицу советского строя. Требовалась смена языка и логики легитимации социального порядка СССР, но эта задача даже не была поставлена в проекте Ленина, к ней не готовилось ни государство, ни общество. Поэтому кризиса 70—80-х годов СССР не пережил.

Наконец, Ленин, разрешив срочную задачу сборки СССР, не учел тех процессов в национальном самосознании народов СССР, которым способствовало огосударствление этносов. В период сталинизма возникавшие при этом проблемы разрешались чрезвычайными способами, а с конца 50-х годов контроль за их развитием был утрачен. Эта важная для многонациональной страны проблема в проекте Ленина не была даже названа, надежды возлагались на консолидирующую силу социальных отношений.

Эти задачи легли на плечи нынешних поколений.

1. Предыстория борьбы на распутье русской революции

Революционная интеллигенция России, которая вырабатывала идеологию, стратегию и тактику русской революции, получила европейское образование и в конце XIX – начале XX века находилась под сильнейшим влиянием марксизма. Русские мыслители прошлого, сделавшие вклад в развитие нашей общественной мысли (независимо от их политических взглядов), разумно и уважительно относились к влиянию на них марксизма. Благоприятное влияние, о котором писали русские философы, – дисциплинирующее воздействие методологии Маркса. Подчеркивая общекультурное значение марксизма для России, Н. Бердяев отмечал в «Вехах», что марксизм требовал непривычной для российской интеллигенции интеллектуальной дисциплины, последовательности, системности и строгости логического мышления.

Важнейшим духовным продуктом марксизма был *антропологический оптимизм* – уверенность в то, что лучшее и справедливое будущее человечества *возможно* и для его достижения имеются эффективные средства. С.Н. Булгаков, уже совершенно отойдя от марксизма, писал, что после «удушья» 80-х годов XIX века именно марксизм явился в России источником «бодрости и деятельного оптимизма». Переломить общее настроение упадка было тогда важнее, чем дать верные частные рецепты. Содержащийся в марксизме пафос прогресса помог справиться с состоянием социального пессимизма. По словам Булгакова, марксизм «усвоил и с настойчивой энергией пропагандировал определенный, освященный вековым опытом Запада практический способ действия, а вместе с тем он оживил упавшую было в русском обществе веру в близость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению» [50].

Второе фундаментальное изменение, которое внес марксизм в общественную мысль, заключалось в рационализации той части духовных исканий человека, которые ранее выражались лишь на языке идеалов и нравственности. Маркс, развивая проект Просвещения, задал рациональную «повестку дня». Г. Флоровский, объясняя, почему марксизм был воспринят в России конца XIX века как мировоззрение, писал, что была важна «не догма марксизма, а его проблематика». Это была первая мировоззренческая система, в которой на современном уровне ставились основные проблемы бытия, свободы и необходимости. Как ни покажется это непривычным нашим православным патриотам, надо вспомнить важную мысль Г. Флоровского: именно марксизм пробудил в России начала XX века тягу к религиозной философии. Флоровский пишет: «Именно марксизм повлиял на поворот религиозных исканий у нас в сторону православия. Из марксизма вышли Булгаков, Бердяев, Франк, Струве... Все это были симптомы какого-то сдвига в глубинах» (см. [51]).

Огромную роль сыграл марксизм в консолидации российского общества вокруг проблемы «образа будущего». Как целостное связанное учение, соединившее в себе рациональную концепцию с нравственными идеалистическими императивами, марксизм был эффективно применен большевиками для создания идеологии, на время овладевшей массами. В этой идеологии стихийные народные представления о благой жизни были скреплены логикой и идеалами марксизма, которые в тот момент оказывали почти магическое воздействие на сознание. Это не дало народу в момент катастрофы 1905–1920 годов рассыпаться на мелкие группы, ведущие «молекулярную» войну всех против всех. Известно, что в периоды таких катастроф общества, не связанные размышлением о будущем и о путях к желаемому жизнеустройству, порождают массу бандитских шайек и милитаристских групп – кризис порождает *общности извергов*.

Учитывая все это, необходимо рассмотреть те установки Маркса и Энгельса, которые внесли раздор в демократическое и революционное движение России и нанесли ущерб и самосознанию интеллигенции, и развитию русской революции, и здоровью уже советского общества и государства. Хотя, на мой взгляд, наши революционеры сами виноваты – слишком они были очарованы марксизмом и воспринимали все его положения как откровение свыше. Тогда у нашей интеллигенции были романтические представления о народе и обществе, а рациональности научного типа было недостаточно.

Маркс предупреждал, что предмет его учения – западный капитализм и западный пролетариат. Он прямо указывает: «в том строе общества, которое мы сейчас изучаем, отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические». А это значит, что результаты такого изучения не приложимы к тем обществам, где не произошло атомизации человека и производственные отношения содержат общинный компонент. Эти предупреждения прогрессивная русская интеллигенция игнорировала и смотрела на общественные процессы в России через призму марксизма.

Согласно видению истории как смены социально-экономических формаций на той стадии развития, на которой находилась Россия, революционным классом должна была быть буржуазия и помогающий ей пролетариат. Именно они рассматривались как носители прогресса и модернизации. Главными задачами революции в России, которая должна была быть только буржуазной, являлись свержение монархии, устранение сословий, ликвидация барьеров, дать простор капитализму в деревне и городе. В такой революции крестьянство как консервативная монархическая сила, опора традиционного общества, виделось противником главных устремлений революции.

Но и попытку пролетариата бороться против капитализма, который еще не исчерпал свой импульс, Маркс и Энгельс считали *реакционной* – даже в форме *интеллектуальной* (литературной) борьбы. Они пишут в «Манифесте Коммунистической партии»: «Первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы во время всеобщего возбуждения, в период ниспровержения феодального общества, неизбежно терпели крушение вследствие неразвитости самого пролетариата, а также вследствие отсутствия материальных условий его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи. Революционная литература, сопровождавшая эти первые движения пролетариата, по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнильность» [30, с. 455].

Эта уравнильность, особенно свойственная «крестьянскому коммунизму», рассматривалась Марксом едва ли не как главное препятствие на пути исторического прогресса.

Вторая установка классического марксизма, которая довлела над мировоззрением русской революционной интеллигенции, состояла в концепции разделения народов на *революционные* и *реакционные*. Народ, представляющий Запад, является по определению прогрессивным, даже если он выступает как *угнетатель*. Народ-«варвар», который пытается бороться против угнетения со стороны Запада, является для классиков марксизма *врагом* и подлежит усмирению вплоть до уничтожения.

Энгельс следующим образом трактует революционные события 1848 года в Австро-Венгрии: «Среди всех больших и малых наций Австрии только три были носительницами прогресса, активно воздействовали на историю и еще теперь сохранили жизнеспособность; это – *немцы, поляки и мадьяры*. Поэтому они теперь революционны.

Всем остальным большим и малым народностям и народам предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции. Поэтому они теперь контрреволюционны» [98]¹.

¹ Из «вульгарного» марксизма, который преподавался в СССР, вытекало, что революция ожидалась как путь к осво-

Русские считались реакционным народом, угрожающим Европе. С XVI века в элите Запада к образу России как «варвара на пороге» добавлялся «географический» мотив представления русских как азиатского народа. Утверждали даже, что для Европы «русские хуже турок». Маркс писал: «Турция была плотиной Австрии против России и ее славянской свиты» [4].

Почти целый век эксплуатировался и миф об угрозе для Европы *панславизма*, за которым якобы стояла Россия. Энгельс развивал эту тему в связи с революцией 1848 г.: «Европа [стоит] перед альтернативой: либо покорение ее славянами, либо разрушение навсегда центра его наступательной силы – России».

В большой статье «Демократический панславизм» Энгельс пишет, обращаясь к русским демократам: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их *первой революционной страстью*; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам» [35].

Насколько живучим был миф панславизма, видно из того, что к нему обращается даже Гитлер в «Майн Кампф»: «Я не забываю всех наглых угроз, которыми смела систематически осыпать Германию панславистская Россия». Более того, представление о России, угрожающей Европе «панславизмом», продолжало быть актуальным и в отношении СССР. В книге Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма» (1951) прямо сказано, что «большевизм должен своим происхождением панславизму более, чем какой-либо иной идеологии или движению».

Русофобия Маркса и Энгельса, их представление о русских как реакционном народе были неразрывно связаны с ненавистью к *России* как государству и стране. В трудах основоположников марксизма это чувство проходит как постоянно звучащий мотив. Оно бросается в глаза и удивляет человека, который начинает читать подряд, без определенной цели, сочинения Маркса и Энгельса, – из советского марксизма этот болезненный колорит был вычищен. Эта адаптация марксизма пошла нам на пользу, но и сделала нас беззащитными против рассуждений, в которых антироссийский смысл сохранился в неявном виде.

По мнению Маркса, «народ создает государство» (а сам он порождается «кровью и почвой»). Какое же государство мог породить реакционный народ? Только реакционное. Для таких энтузиастов идеи прогресса, как Маркс и Энгельс, уже этого было достаточно, чтобы видеть в России особую реакционную силу.

Российское государство опиралось на все те силы, отношения и институты, которые в глазах Маркса были главными генераторами реакционного духа, – религию, государственное чувство, общинное крестьянство, нерыночную уравнительную психологию. Таким образом, Россия представала как активный источник реакции, бросающий вызов прогрессивным силам мировой цивилизации.

Свою неоконченную работу «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» (написана в 1856–1857 гг.) Маркс завершает так: «Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала *virtuoso* в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала

играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира... Так же как она поступила с Золотой Ордой, Россия теперь ведет дело с Западом. Чтобы стать господином над монголами, Московия должна была *татаризоваться*. Чтобы стать господином над Западом, она должна *цивилизироваться*... оставаясь Рабом, то есть придав русским тот внешний налет цивилизации, который подготовил бы их к восприятию техники западных народов, не заражая их идеями последних» [2].

Прошло десять лет, но этот антироссийский штамп применился Марксом без изменения. На митинге в Лондоне он произнес патетическую речь: «Я спрашиваю вас, что же изменилось? Уменьшилась ли опасность со стороны России? Нет. Только умственное ослепление господствующих классов Европы дошло до предела... Путеводная звезда этой политики – мировое господство, остается неизменным. Только изворотливое правительство, господствующее над массами варваров, может в настоящее время замысливать подобные планы... Итак, для Европы существует только одна альтернатива: либо возглавляемое москвитями азиатское варварство обрушится, как лавина, на ее голову, либо она должна восстановить Польшу, оградив себя таким образом от Азии двадцатью миллионами героев» [3, с. 206, 208].

Изложенные Марксом и Энгельсом после 1848 года представления о прогрессивных и реакционных народах, о реакционной буржуазной сущности крестьянства и столь же реакционной сущности славян (особенно русских) резко осложнили развитие движения революционных демократов в России. Эти представления вызвали в русском марксизме того времени раскол, который затем перерос в конфликт марксистов с русскими народниками, а затем и в конфликт меньшевиков и эсеров с большевиками.

Принципиальное неприятие положений Маркса и Энгельса в указанных выше вопросах выразил М.А. Бакунин (по свидетельству самого Энгельса, самый умелый и мужественный командир революционных войск в 1848 г. в Праге и в 1849 г. в Дрездене). Так возник его конфликт с основоположниками марксизма, привел к вражде и изгнанию Бакунина из общности марксистов, а в обществоведении СССР – к замалчиванию тех важных идей и прогнозов, которые высказал Бакунин относительно назревающей русской революции. Как сказал о Бакунине Н.А. Бердяев, «в его русском революционном мессианизме он является предшественником коммунистов».

В книге Бакунина «Кнуто-германская империя и социальная революция» [5], которая послужила ответом на серию статей Энгельса о революционных народах, славянах и крестьянах, Бакунин выдвинул тезис о том, что *национальный* шовинизм (ненависть к «реакционным народам») и *социальный* шовинизм (ненависть к «реакционному крестьянству») имеют одну и ту же природу. Оба они отражают расизм западного капитализма, который оправдывает присущую ему эксплуататорскую сущность своей якобы цивилизаторской миссией. Бакунин считает, что буржуазная идеология «заразила» этим шовинизмом и рабочий класс Запада, включая рабочих-социалистов.

Бакунин категорически отвергает представления Маркса и Энгельса о крестьянстве, об «идиотизме деревенской жизни». Он предупреждает рабочих, что этот социальный расизм в отношении крестьян не имеет под собой никаких разумных оснований. Более того, Бакунин выдвигает пророческий тезис о том, что социалистическая революция может произойти только как действие *братского союза* рабочего класса и крестьянства. Эта мысль была принята народниками. Позже этот тезис Ленин развил в целостную политическую доктрину (которая и стала основанием *ленинизма*). Но к этим установкам русские большевики пришли, только осознав опыт революции 1905–1907 годов, а марксисты-меньшевики не пришли вовсе.

Поскольку, начиная с 70-х годов XIX века, марксизм господствовал в умах левой и либеральной российской интеллигенции, вывод Бакунина замалчивался. Его предвидение характера назревающей русской революции как социалистической, а также совершаемой союзом рабочего класса и крестьянства, Маркс назвал «ученическим вздором». Он увидел в нем нелепую попытку низвести пролетарскую революцию в высокоразвитой Западной Европе на уровень «русских или славянских земледельческих и пастушеских народов»².

Следующим поколением реакционных русских революционеров, которое Маркс и Энгельс считали своим долгом разгромить, были *народники*. В 80-е годы XIX века экономисты-народники развили концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России. Один из них, В.П. Воронцов, писал: «Капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность». Это была сложная концепция, соединяющая формационный и цивилизационный подходы к изучению истории. Концепцию народников Маркс отверг категорически и очень резко, и это сыграло важную роль в судьбе революционного движения в России.

В 1875 году народник П. Ткачев пишет брошюру «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу», в которой объясняет, почему в России назревает революция и почему она будет антикапиталистической. Маркс просил Энгельса ответить на нее. Ответ («О социальном вопросе в России» [1]) был полон грубых личных выпадов против Ткачева, но слабых доводов.

Через полвека Н.А. Бердяев писал: «Замечательнейшим теоретиком революции в 70-е годы был П.Н. Ткачев... Он первый противопоставил тому русскому применению марксизма, которое считает нужным в России развитие капитализма, буржуазную революцию и пр., точку зрения, очень близкую русскому большевизму. Тут намечается уже тип разногласия между Лениным и Плехановым... Ткачев, подобно Ленину, строил теорию социалистической революции для России. Русская революция принуждена следовать не по западным образцам... Ткачев был прав в критике Энгельса. И правота его не была правотой народничества против марксизма, а исторической правотой большевиков против меньшевиков, Ленина против Плеханова» [6, с. 59–60].

Энгельс издевается над прогнозами народников: «Г-н Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и “собственники”, стоят “ближе к социализму”, чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе» [1, с. 546].

Энгельс предупреждает, что революция в России, согласно марксизму, имела бы *реакционный* характер: «Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии» [1, с. 537].

Вывод был таков: «Русские должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы» [1, с. 526].

² Примечательно введенное Марксом разделение «русских или славянских народов». Маркс верил в нелепую теорию, согласно которой русские не были славянами.

К чему же свелся этот европейский контроль? Прежде всего к атаке на российское народничество и к побуждению русских марксистов вести такие атаки и внутри России.

Энгельс пишет Вере Засулич (3 апреля 1890 г.): «Совершенно согласен с Вами, что необходимо везде и всюду бороться против народничества – немецкого, французского, английского или русского. Но это не меняет моего мнения, что было бы лучше, если бы те вещи, которые пришлось сказать мне, были сказаны кем-либо из русских».

Приняв эти установки, российские марксисты много сделали для разгрома народников. На первом этапе своей политической деятельности в разгроме народников принял участие и молодой Ленин. Как сказано в предисловии к 18-му тому сочинений Маркса и Энгельса, ответ Ткачеву «положил начало той всесторонней критике народничества в марксистской литературе, которая была завершена В.И. Лениным в 90-х годах XIX века и привела к полному идейно-теоретическому разгрому народничества» [1, с. XXIX].

В работе «От какого наследства мы отказываемся» (1897) Ленин так определил суть народничества, две его главные черты: «признание капитализма в России упадком, регрессом» и «вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п.». Главным противоречием, породившим русскую революцию, марксисты считали в то время сопротивление прогрессивному капитализму со стороны традиционных укладов (под ними понимались община, крепостничество – в общем, «азиатчина»). Исходом революции должно было стать «чисто капиталистическое» хозяйство.

Современные исторические исследования массового сознания крестьян, проведенные путем изучения большого массива документов 1905–1907 годов (наказов, приговоров и петиций), подводят нас к важному выводу о причинах того разрыва внутри революционного социалистического движения, который привел и к трагедии Гражданской войны. Сейчас эти причины видятся таким образом.

Ленин первый перешел к принципиально иной модели, объясняющей природу русской революции и места в ней крестьянства. Но и он «приходил к ленинизму» трудно, с отступлениями и противоречиями, традиционное сословное российское общество считалось архаичным и противопоставлялось гражданскому обществу.

Такое видение сохранилось и сегодня, и наши нынешние либералы и демократы недалеко ушли в этом от кадетов и меньшевиков.

2. «Развитие капитализма в России»: исходная позиция

Главной задачей труда «Развитие капитализма в России» (1896–1899) сам Ленин считал укрепление марксистских взглядов на исторический процесс в России – он слишком «затвердил» установки марксизма, не вскрыв рационального зерна взглядов народников. Русские мыслители прошлого, сделавшие вклад в развитие нашей общественной мысли (независимо от их политических взглядов), разумно и уважительно относились к влиянию на них марксизма. С.Н. Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Практически все экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм». Тем более молодые марксисты России смотрели на социальную реальность через призму трудов Маркса.

В момент написания этой книги даже в первый период после революции 1905–1907 годов Ленин следовал тезису о неизбежности прохождения России через этап господства капиталистической формации. Отсюда вытекало, что и назревающая русская революция, смысл которой виделся в расчистке площадки для прогрессивной формации, должна была быть революцией *буржуазной*.

В предисловии к 1-му изданию книги Ленин специально подчеркнул свою солидарность с главными выводами работы К. Каутского «Аграрный вопрос»: «Каутский категорически признает, что о переходе деревенской общины к общинному ведению крупного современного земледелия нечего и думать... Мы считаем необходимым подчеркнуть полную солидарность воззрений западноевропейских и русских марксистов ввиду новейших попыток представителей народничества провести резкое различие между теми и другими» [53, с. 8, 9]³.

Заметим, что Каутский ошибался: в отличие от Германии, русская община показала удивительную способность сочетаться с кооперацией и таким образом развиваться в сторону крупных хозяйств. В 1913 г. в России было более 30 тыс. кооперативов с общим числом членов более 10 млн человек. Позже смогла община восстановиться и в облике колхозов – крупных кооперативных производств.

Но главное было даже не в превращении общины в крупное предприятие, а в том, что в условиях России социальная организация общины была эффективнее, чем капиталистическое хозяйство. Индикатор этого – переток земли. В целом после реформы 1861 г. на рынке земли стали господствовать трудовые крестьянские хозяйства, а не фермеры. Если принять площади, полученные частными землевладельцами в 1861 г. за 100 %, то к 1887 г. у них осталось 76 %, к 1897 г. 65 %, к 1905 г. 52 % и к 1916 г. 41 %, при этом из этих 41 % 2/3 использовалось крестьянами через аренду. То есть за время «развития капитализма» к крестьянам перетекло 86 % частных земель.

А.В. Чаянов пишет: «В России в период начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г. в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам» [44, с. 143].

К этому Чаянов дает такой комментарий: «Наоборот, экономическая история, например, Англии дает нам примеры, когда крупное капиталистическое хозяйство... оказывается

³ Здесь Ленин прямо отвечал на тезис народников, которые считали, что при национализации крупной промышленности возможно техническое вооружение общины и ее развитие так, «чтобы она была в состоянии сделаться подходящим орудием для организации крупной промышленности и для ее преобразования из капиталистической формы в общественную».

способным реализовать исключительные ренты и платить за землю выше трудового хозяйства, разлагая и уничтожая последнее» [44, с. 409].

Исходя из марксистской политэкономии, Ленин был уверен, что освобождение крестьян от оков общины – благо для них, и так определял позицию социал-демократов: «Мы стоим за отмену всех стеснений права крестьян на свободное распоряжение землей, на отказ от надела, на выход из общины. Судьей того, выгоднее ли быть батраком с наделом или батраком без надела, может быть только сам крестьянин. Поэтому подобные стеснения ни в каком случае и ничем не могут быть оправданы»⁴.

В декабре 1907 г. Ленин заканчивает книгу «Аграрная программа русской социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов», а зимой 1908 г. готовит ее к печати (книга была конфискована и уничтожена еще в типографии; сохранился один экземпляр, вышла книга в 1917 г.). В ней еще излагаются старые представления ортодоксального марксизма: то же самое обличение «средневековья» и те же мечты о «фермере», что и в «Развитии капитализма в России».

Вот главные для нас мысли этой книги: «Крестьянское наделное землевладение... загоняет крестьян, точно в гетто, в мелкие средневековые союзы фискального, тяглогового характера, союзы по владению наделной землей, т. е. общины. И экономическое развитие России *фактически* вырывает крестьянство из этой средневековой обстановки, – с одной стороны, порождая сдачу наделов и забрасывание их, с другой стороны, созидая хозяйство будущих свободных фермеров (или будущих гроссбауэров юнкерской России) из кусочков самого различного землевладения...

Для того чтобы построить *действительно* свободное фермерское хозяйство в России, необходимо “разгородить” *все* земли, и помещичьи, и наделные. Необходимо разбить *все* средневековое землевладение, сравнять все и всяческие земли перед свободными хозяевами на свободной земле. Необходимо облегчить в максимально возможной степени обмен земель, расселение, округление участков, создание свободных новых товариществ на место заржавевшей тягловой общины. Необходимо “очистить” всю землю от всего средневекового хлама...

Мелкие собственники-земледельцы в массе своей высказались за национализацию [земли] и на съездах Крестьянского союза в 1905 году, и в первой Думе в 1906 году, и во второй Думе в 1907 году... не потому, что “община” заложила в них особые “зачатки”, особые, не буржуазные “трудовые начала”. Они высказались так потому, наоборот, что жизнь требовала от них *освобождения* от средневековой общины и средневекового наделного землевладения. Они высказались так не потому, что они хотели или могли строить социалистическое земледелие, а потому, что они хотели и хотят, могли и могут построить действительно буржуазное, т. е. в максимальной степени свободное от всех крепостнических традиций мелкое земледелие» [49].

Он даже сделал радикальный вывод: «Доброму народнику и в голову не приходило, что покуда сочинялись и опровергались всяческие проекты, капитализм шел своим путем, и общинная деревня превращалась и превратилась в деревню мелких аграриев» [53, с. 321]. Это – чисто марксистское видение проблемы, но оно было ошибочным, что Ленин неявно признал в сентябре 1908 г. в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции», разумно не поднимая вопроса о старой ошибке.

Общая ошибка марксистов до революции 1905 г. заключалась в том, что они ставили знак равенства между *докапиталистическими* формами и *некапиталистическими*. Если

⁴ Во втором издании 1908 г. Ленин сделал сноску, чтобы отмежеваться от реформы Столыпина, которая потребовала массовых порок и казней: «Само собой разумеется, что еще больший вред крестьянской бедноте принесет столыпинское (ноябрь 1906 г.) разрушение общины». Но между этой сноской и текстом имеется явное противоречие – трудно поддерживать разрушение общины («отмену всех стеснений») и в то же время ругать за это Столыпина.

видеть в общине только ее формационное содержание, то она, будучи «докапиталистической» формой, в конце XIX века выглядела как пережиток и отсталость. Если же рассматривать общину как продукт культуры, то в ней виден гибкий и содержательный уклад, совместимый с самыми разными социально-экономическими базисами. На основе общинных отношений во многом строилась ускоренная индустриализация Японии, Китая и стран Юго-Восточной Азии.

Жизнь показала ошибочность выводов Ленина 1899 года: вопреки мощному политическому и экономическому давлению крестьянство не исчезало, а оказывалось жизнеспособнее и эффективнее, чем фермы. В 1913 г. 89 % национального дохода, произведенного в сельском хозяйстве европейской части России, приходилось на крестьянские хозяйства – в 10 раз больше, чем на капиталистические (по другим оценкам, для России в целом накануне Первой мировой войны доля крестьян по стоимости продукта составила 92,6 %). Значит, насаждавшиеся правительством фермы были менее эффективны. Поэтому и помещики, и скупившие землю кулаки не устраивали ферм, а сдавали землю в аренду крестьянским дворянам.

Неудача реформы Столыпина показала и другую важную сторону развития капитализма в России: здесь, в отличие от Западной Европы, капитализм в сельском хозяйстве не мог вытеснить общину и даже *нуждался* в ее укреплении. Иными словами, чтобы в какой-то части России мог возникнуть сектор современного капиталистического производства, другая часть должна была «отступить» к общине, стать более традиционной, нежели раньше. Образно говоря, капитализм не мог существовать без крупной буферной «архаической» части, соками которой он питался.

Глобализация капитализма в период империализма привела к тому, что свою «архаическую» часть Запад смог в значительной степени вынести за пределы метрополии, господствуя в заморских территориях – в колониях, а потом в «третьем мире». Но Россия, не будучи колониальной империей, могла вести развитие капитализма только посредством архаизации части *собственного* общества – крестьянства. Именно после реформы 1861 г., открывая простор для развития капитализма, само царское правительство укрепляло крестьянскую общину. И это не было ошибкой, иначе и быть не могло.

В своем труде «Развитие капитализма в России» Ленин, следуя за устаревшей политэкономией Маркса, ошибался относительно прогрессивной роли капитализма в целом, в глобальном масштабе. В реальности капитализм был системой «центр – периферия». Создавая на периферии анклавы современного производства, господствующий извне капитализм метрополии обязательно производил «демодернизацию» остальной части производственной системы, даже уничтожая структуры местного капитализма.

Ловушка или порочный круг в аграрной политике России были в том, что приходилось «одновременно догонять капитализм и убегать от капитализма» (Вебер). Поэтому сама идея революции союза рабочих и крестьян ради *предотвращения* капитализма показалась большинству марксистов абсолютно еретической. Но была необходима индустриализация и модернизация страны. Ленин понял этот вызов и одновременно структуру ловушки, понял суть России как цивилизации и проник в смысл крестьянской мечты – и преодолел давление господствующих понятий и теорий.

3. Представление о крестьянстве: от марксизма к ленинизму

Уже в ходе революции 1905–1907 годов (после крестьянских волнений 1902 г.) начинает меняться представление Ленина о крестьянстве и его отношение к капитализму. Он рвет с установкой западной социал-демократии – избегать уступок крестьянам даже в виде включения аграрного вопроса в партийные программы. На IV (объединительном) съезде РСДРП он предлагает принять требование о «национализации всей земли» – крестьянский лозунг революции 1905 г. Это было настолько несовместимо с принятыми догмами, что против Ленина выступили не только меньшевики, но и почти все большевики. Луначарский даже упрекнул Плеханова за старую куцую программу, которую тот якобы протащил «из страха перед крестьянской революцией, из боязни, чтобы ее торжество не повлекло за собой и торжество народников над марксистами».

Сам Плеханов на IV съезде верно понял поворот Ленина: «Ленин смотрит на национализацию [земли] глазами социалиста-революционера. Он начинает даже усваивать их терминологию – так, например, он распространяется о пресловутом народном творчестве. Приятно встретить старых знакомых, но неприятно видеть, что социал-демократы становятся на народническую точку зрения».

После 1908 г. Ленин уже совершенно по-иному представляет сущность спора марксистов с народниками (кстати, спора, который он сам активно вел в последние годы XIX века). Он пишет в письме И.И. Скворцову-Степанову: «Воюя с народничеством как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества... Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея, что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что “диктатура пролетариата и крестьянства” (классическая постановка) противоречит “всему ходу хозяйственного развития”. “Противоречит всему ходу хозяйственного развития” – это ли не реакционность?!» [33].

Из этого ясно видно, что трактовка, которую давал проблеме сам Ленин десять лет назад, ушла в прошлое, он о ней даже не вспоминает. «Чудовищная, идиотская, ренегатская идея» меньшевиков, не понявших прогрессивного содержания народничества, – это их позиция после революции 1905 года, которая выявила реальность. После этой революции мыслить в канонах марксизма десятилетней давности значило именно стать ренегатами марксизма.

Исследователь крестьянства Т. Шанин пишет: «Какими бы ни были ранние взгляды Ленина и более поздние комментарии и конструкции, он был одним из тех немногих в лагере русских марксистов, кто сделал радикальные и беспощадные выводы из борьбы русских крестьян в 1905–1907 гг. и из того, в чем она не соответствовала предсказаниям и стратегиям прошлого. Вот почему, к концу 1905 г., Россия для него уже не была в основном капиталистической, как написано в его книге 1899 г.» [8, с. 279]⁵.

Хотя Ленин и «сделал радикальные и беспощадные выводы», начиная с 1905 года он сознательно принижал оригинальность его выводов, потому что в то время обвинение в «ревизионизме» марксизма нанесло бы большой ущерб линии большевиков. Революция 1905–1907 годов была особым, не объяснимым в рамках классического марксизма явле-

⁵ Ленин говорил на VII съезде РКП(б) (март 1918 г.), что в России «самые развитые формы капитализма, в сущности, охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие».

нием. И все равно поддержка Лениным крестьянского взгляда на земельный вопрос означала серьезный разрыв с западным марксизмом.

Т. Шанин пишет: «В европейском марксистском движении укоренился страх перед уступкой крестьянским собственническим тенденциям и вера в то, что уравнильное распределение земли экономически регрессивно и поэтому политически неприемлемо. В 1918 г. Роза Люксембург назвала уравнильное распределение земель в 1917 г. как создающее “новый мощный слой врагов народа в деревне”» [8, с. 512].

В 1907 г. Ленин в проекте речи по аграрному вопросу во II Государственной думе прямо заявил о поддержке «крестьянской массы» в ее борьбе за землю и о союзе рабочего класса и крестьянства. Союзу не с сельским пролетариатом, а именно с крестьянством. Какой разительный контраст с книгой «Развитие капитализма в России»! В этой речи уже и намек нет на прогрессивность больших землевладений и бескультурье «одичалого земледельца». Здесь сказано нечто противоположное: «Вопиющую неправду говорят про крестьян, клеветают на крестьян те, кто хочет заставить Россию и Европу думать, будто наши крестьяне борются против культуры. Неправда!»

В 1908 году Ленин пишет статью, само название которой наполнено большим скрытым смыслом: «Лев Толстой как зеркало русской революции». Уже здесь – совершенно новая трактовка русской революции, пересмотр одного из главных положений книги «Развитие капитализма в России». Ведь очевидно, что не мог быть Толстой зеркалом буржуазной революции.

В этой статье Ленин очень осторожно выдвигает кардинально новую для марксизма идею о революциях, движущей силой которых является не устранение препятствий для господства «прогрессивных» производственных отношений (капитализма), а именно предотвращение этого господства – стремление не пойти по капиталистическому пути развития. Это – новое понимание сути русской революции, которое затем было развито в идейных основах революций других крестьянских стран.

Что отражает Толстой как «зеркало русской революции»? Теперь, согласно взгляду Ленина 1908 г., «протест против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней». Не буржуазная революция, а протест против капитализма!

При этом Ленин не говорит здесь об униженных и оскорбленных, о раздавленных колесницей капитализма, об «одичалом земледельце» – он говорит о крестьянстве в целом: «Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции как крестьянской буржуазной революции».

Чтобы не вступать в конфликт с системой взглядов русского марксизма, которую сам же он укреплял в своем труде 1899 г., Ленин говорит лишь об «особенности» нашей революции, но выделяет слово *крестьянская*. На деле речь шла не об особенностях, а о совмещении двух разных, а в главных вопросах и противоположно направленных революций – буржуазной и крестьянской, глубоко *антибуржуазной*. Можно даже сказать, что крестьянская революция более антибуржуазна, нежели пролетарская, ибо крестьянство и капитализм несовместимы, а капитал и труд пролетария – лишь конкуренты на рынке⁶.

Ленин после урока революции 1905–1907 годов по-иному видит чаяния крестьянства: не освободиться от постылого надела, не превратиться в рабочего, а «расчистить землю, создать на месте полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправ-

⁶ Говоря об официальной советской истории, Т. Шанин замечает: «Те цитаты из Ленина, которые не подходили к антикрестьянской тенденции, были просто забыты или затерялись» [8, с. 249].

ных мелких крестьян, – это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции». По сути, уже в 1908 г. Ленин отказывается от главных тезисов своей книги 1899 г. и признает, что народники верно определили конечный идеал, цивилизационное устремление 85 % населения России, а значит, и грядущей русской революции.

Это новое понимание и сделало Ленина вождем революции. Второй, помимо Ленина, великий русский политик, который так же глубоко понял урок первой революции, – Столыпин – отдал все силы делу раскола и «умиротворения» крестьянства и потерпел крах.

Столь же осторожно, но существенно развивает Ленин мысль об антибуржуазном характере крестьянской революции. В 1910 г. он пишет в связи со смертью Л.Н. Толстого: «Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы... Его непрестанное обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянства, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все “устои” деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис...».

Здесь уже и речи нет о прогрессивном влиянии капитализма, устраняющем «азиатчину» из русской деревни. Наоборот, капитализм несет в нее одичание и невиданное разорение. Нет здесь и следа старой догмы о свершившемся разделении крестьян на буржуазию и пролетариат. Это – полное отрицание старого тезиса, что общинное крестьянство – опора капитализма. Капитализм – враг крестьянства в целом. И в ходе революции (как в 1905–1907, так и летом 1917 г.) не бедные крестьяне («пролетарии») громили «крестьянскую буржуазию», а крестьянская община приговаривала к сожжению избы, а то и целых деревень соседей, изменивших общему решению схода.

И именно по вопросу о крестьянстве стала все более и более проходить линия, разделяющая большевиков и меньшевиков, которые все сильнее тяготели к блоку с западниками-кадетами. И вопрос, по сути, стоял так же, как был поставлен в двух Нобелевских комитетах (по литературе и по премиям мира), которые отказали в присуждении премий Льву Толстому – самому крупному мировому писателю того времени и первому всемирно известному философу ненасилия. Запад не мог дать Толстому премию, ибо он «отстаивал ценности крестьянской цивилизации» в ее борьбе с наступлением капитализма.

Мы в советское время, бездумно слушая профессоров марксизма-ленинизма, не замечали того, что четко зафиксировали современники и оппоненты Ленина: выводы его труда «Развитие капитализма в России» им самим де-факто признаны ошибочными, и он принципиально изменил всю теоретическую концепцию. В 1912 году М.И. Туган-Барановский подчеркнул: «Аграрные программы марксистов стали все ближе приближаться к аграрным программам народников, пока наконец между ними не исчезли какие бы то ни было принципиальные различия. И те, и другие почти с одинаковой энергией требовали перехода земли в руки крестьянства... При таком положении дел старые споры и разногласия решительно утрачивают свой смысл. Жизнь своей властной рукой вынула из-под них почву» [9].

Представить новые выводы Ленина относительно крестьянства в среде марксистов и либералов было сложнейшей задачей потому, что в начале XX века марксизм в России стал больше, чем теорией или даже учением: он стал формой общественного сознания в культурном слое. Поэтому Ленин как политик мог действовать только в рамках «языка марксизма». И Ленин совершил почти невозможное: в своей мысли и в своей политической стратегии он следовал требованиям реальной жизни, презирая свои вчерашние догмы – но делал это, не перегибая палку в расшатывании мышления своих соратников.

Приходя шаг за шагом к пониманию сути крестьянской России, создавая «русский большевизм» и принимая противоречащие марксизму стратегические решения, Ленин сумел

выполнить свою политическую задачу, не входя в конфликт с общественным сознанием. Ему постоянно приходилось принижать оригинальность своих тезисов, прикрываться Марксом, пролетариатом и т. п. Он всегда поначалу встречал сопротивление почти всей верхушки партии, но умел убедить товарищей, обращаясь к здравому смыслу. Однако и партия сформировалась из тех, кто умел сочетать «верность марксизму» со здравым смыслом, а остальные откалывались – Плеханов, меньшевики, Бунд, троцкисты.

В тот момент было очень трудно отказаться от картины истории человечества, которая была внедрена в сознание российской интеллигенции системой образования. А в среде левой интеллигенции эта картина была еще усилена философией Гегеля и марксизмом, понятийный аппарат которых сформировался в иной мировоззренческой системе, так что смыслы многих понятий и выводов в среде русских искажались (а часто не могли быть поняты)⁷.

Этот темный и многослойный смысл рассуждений Гегеля и Маркса очаровывал русскую интеллигенцию, хотя в них была большая доля евроцентризма, и прилагать эти рассуждения к социальной и политической реальности надо было очень осторожно. Признать, что Россия – самобытная цивилизация, что она может нарушить «правильный» ход истории, было для европейски образованного марксиста очень трудным шагом. Это значило внутренне признать правоту славянофилов, которые в среде социал-демократов выглядели архаическими реакционерами. Как уже было сказано, статья «Лев Толстой – зеркало русской революции» была страшной ересью.

По сути, уже в 1908 году Ленин отказывается от главных тезисов своей книги 1899 года и признает, что народники верно определили конечный идеал, устремление 85 % населения России, а значит, и грядущей русской революции. Это новое понимание и сделало Ленина вождем революции.

Ленин убедительно показал, что капитализм складывается периферийный, он несет России не прогресс, а одичание. Поэтому возможен союз рабочего класса и крестьянства. Революция, которую осуществит этот союз, будет не предсказанная Марксом пролетарская революция, устраняющая исчерпавший свою прогрессивную потенцию капитализм, а революция иного типа – предотвращающая установление в стране периферийного капитализма. Выдвижение этой программы означало полный разрыв с ортодоксальными марксистами (меньшевиками). Потому-то меньшевики оказались в союзе с буржуазными либералами и даже участвовали в Гражданской войне в основном на стороне белых.

⁷ Стоит прочитать «Философские тетради» Ленина, он сильно намучился, изучая Гегеля. Вот его пометки на полях: «Здесь изложение какое-то отрывочное и сугубо туманное...»; «Темна вода...»; «Сие производит впечатление большой натянутости и пустоты»; «Тут вообще тьма тёмного...»; «Рассуждения о “механизме” сугубо тёмные и едва ли не сплошная чушь». Результатом этого штудирования Лениным было такое суждение: «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его первой главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса полвека спустя!» [47].

4. Крестьянская община в России: конфликт марксизма с ленинизмом

В отличие от марксистской теории классовой революции, в России создавалась теория революции, *предотвращающей* разделение на классы. Для крестьянских стран революция была средством спасения от втягивания страны в периферию западного капитализма. Русские революционные демократы, анархисты и народники (Герцен и Бакунин, Ткачев и народолюбцы) видели в крестьянской общине социальную и культурную форму, обладающую большим революционным потенциалом. В 1905–1907 годах к этому выводу пришел и Ленин.

Это – принципиально иная теория, можно даже сказать, что она является частью другого представления о мироустройстве, нежели у Маркса. Между этими теориями не могло не возникнуть глубокого *философского* конфликта. А такие конфликты всегда вызывают размежевание и даже острый конфликт сообществ, исходящих из разных картин мира. Тот факт, что в России большевикам, следующим ленинской теории революции, приходилось маскироваться под марксистов, привел к тяжелым деформациям и в ходе революционного процесса, и в ходе социалистического строительства.

Напротив, отрицательное отношение к общине, особенно русской, акцентируется и проходит красной нитью через множество трудов Маркса и Энгельса. И отношение это было неизменно. Энгельс писал Каутскому (2 марта 1883 г.): «Где существует общность – будь то общность земли или жен, или чего бы то ни было, – там она непременно является первобытной, перенесенной из животного мира. Все дальнейшее развитие заключается в постепенном *отмирании* этой первобытной общности; никогда и нигде мы не находим такого случая, чтобы из первоначального частного владения развивалась в качестве вторичного явления общность».

Из такого взгляда и выводится представление о реакционности революций, опирающихся на крестьянскую общину и ставящих своей целью сопротивление капитализму. Энгельс пишет в «Анти-Дюринге»: «Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России. Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда» [29, с. 186].

Это – плод западной философии капитализма, который уничтожил общину. А в России Д.И. Менделеев, размышляя о выборе такого пути *индустриализации*, при котором мы не попали бы в зависимость от Запада, писал: «В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыши возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение» (см. [41]).

Так оно и произошло – после революции русские крестьяне, вытесненные в город в ходе коллективизации, восстановили общину на стройке и на заводе в виде «трудового коллектива». Именно этот уникальный уклад со многими крестьянскими атрибутами (включая штурмовщину) во многом определил «русское чудо» – форсированную индустриализацию СССР.

В 1882 году в предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» за подписью «Карл Маркс. Фридрих Энгельс» сказано: «Спрашивается теперь: может ли русская община – эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей – непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму

общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» [42].

Но русская община конца XIX века не была и просто не могла быть «формой *первобытного* общего владения землей». После реформы 1861 года община не разрушалась, а именно *укреплялась*. Наконец, ни народникам, ни большевикам и в голову не приходило ожидать, чтобы община «*непосредственно* перешла в высшую, коммунистическую форму». Говорилось о *пути развития* с использованием общины как социокультурной системы, как большого общественного института. После революции 1905–1907 годов Ленину это было ясно.

Но главное – в этом предисловии ясно сказано, что русская революция, позволяющая избежать «того же процесса разложения, который присущ историческому развитию Запада», возможна только в том случае, если она будет «дополнена» пролетарской революцией на Западе. И в этом процессе роль русской революции – «послужить сигналом» западному пролетариату.

А в 1892 году Энгельс пишет народнику Н.Ф. Даниельсону (переводчику «Капитала»): «Если Россия и дальше пойдет по тому пути, на который она вступила в 1861 г., то крестьянская община обречена на гибель. Мне кажется, что именно сейчас это начинает сбываться... Боюсь, что нам придется рассматривать вашу общину как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией. Несомненно, таким образом будет утрачена великая возможность, но против экономических фактов ничего не поделаешь» [43, с. 265].

Чуть позже (22 сентября 1892 г.) Энгельс снова пишет Даниельсону: «Если Россия после Крымской войны нуждалась в своей собственной крупной промышленности, то она могла иметь ее лишь в одной форме: в *капиталистической форме*. Ну а вместе с этой формой она должна была принять и все те последствия, которые сопровождают капиталистическую крупную промышленность во всех других странах. Но я не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались чем-нибудь от того, что происходит или происходило в Англии, Германии, Америке» [43, с. 400].

Это ошибка! В России развитие капиталистической промышленности вело к антикапиталистической революции, и в 1892 году это уже было ясно, а в Англии, Германии и Америке ничего подобного не было. Эмпирических данных, для того чтобы резкие различия можно было увидеть, имелось в 1892 году вполне достаточно, но Энгельс верил догме, а не реальности.

Поразительно, до какой степени Энгельс противоречил известным экономическим фактам. А.В. Чаянов пишет на основании строгих исследований: «В России в период начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г. в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам... Арендные цены, уплачиваемые крестьянами за снимаемую у владельцев пашню, значительно выше той чистой прибыли, которую с этих земель можно получить при капиталистической их эксплуатации» [44, с. 407].

И это было не аномалией, а общим для России правилом. После 1905 г. покупка земли общинами и аренда земли у землевладельцев нарастала. Историк В.В. Кабанов пишет: «Все

более определяющей становилась тенденция к перемещению центра тяжести сельскохозяйственного производства на хозяйство крестьянское, прогресс в мелкотоварных хозяйствах становился заметнее. Накануне Первой мировой войны крестьяне производили 92,6 % совокупного продукта (по стоимости) земледелия и животноводства, а помещики – только 7,4 %» [45].

Энгельс вернулся через 20 лет (!) к своей полемике с Ткачёвым, чтобы сказать в ней последнее слово. Он пишет свое известное «Послесловие», в котором дает за себя и за Маркса окончательное суждение о русской общине: «Инициатива подобного преобразования русской общины может исходить исключительно лишь от промышленного пролетариата Запада, а не от самой общины. Победа западноевропейского пролетариата над буржуазией и связанная с этим замена капиталистического производства общественно управляемым производством – вот необходимое предварительное условие для подъема русской общины на такую же ступень развития. В самом деле: нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождает из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения...

Исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития... Каждая данная экономическая формация должна решать свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за решение задач, стоящих перед другой совершенно чуждой формацией, было бы абсолютной бессмыслицей» [46, с. 444–445].

Даже монархическая верхушка пришла к выводу, что крестьянская община становится источником главной угрозы для общественного и политического строя царской России. В мае 1905 года была составлена записка шести старейших сановников о путях преодоления политического кризиса («записка А.Н. Куломзина»). Она опровергала официальную точку зрения на крестьянство как консервативную и монархически настроенную силу. Корень проблемы старые сановники видели в существовании «в низших слоях населения инстинктивного стремления к ниспровержению частной собственности» и в том, что «общинные порядки» поддерживают это стремление [80].

В 1910 году Ленин пишет в связи со смертью Л.Н. Толстого: «Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы... Его непрестанное обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянства, на которое стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг... несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис...» [48].

Здесь уже и речи нет о прогрессивном влиянии капитализма, устраняющем «азиатчину» из русской деревни. Наоборот, капитализм несет в нее одичание и невиданное разорение.

5. О характере русской революции

Первым критическим моментом в расколе российской социал-демократии стала революция 1905–1907 годов, которая явно пошла как раз по тому пути, который был отвергнут и осужден Марксом и Энгельсом. Марксисты оказались перед историческим выбором: включиться в эту революцию или остаться верными учению Маркса и противодействовать этой революции («будущему Октябрю»). Фракция большевиков, возглавляемая Лениным, извлекла уроки из первого акта русской революции и примкнула к революционным народным массам. Меньшевики остались с учением Маркса.

В момент написания «Развития капитализма в России» Ленин следовал тезису о неизбежности прохождения России через господство капиталистической формации. Он делает в этой книге важное утверждение: «Строй экономических отношений в “общинной” деревне отнюдь не представляет из себя особого уклада, а обыкновенный мелкобуржуазный уклад... Русское общинное крестьянство – не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его» [53, с. 165].

Отсюда вытекало, что и назревающая русская революция, смысл которой виделся в расчистке площадки для прогрессивной формации, должна быть революцией буржуазной. Да и Троцкий о революции 1905 г. сказал: «Наша революция убила нашу “самобытность”. Она показала, что история не создала для нас исключительных законов».

И даже в первый период после революции 1905–1907 годов отстаивал представление об этой революции как буржуазной. В статье «Аграрный вопрос и силы революции» (1907) Ленин писал: «Все с.-д. убеждены в том, что наша революция по содержанию происходящего общественно-экономического переворота буржуазная. Это значит, что переворот происходит на почве капиталистических отношений производства и что результатом переворота неизбежно станет дальнейшее развитие именно этих отношений производства [52].

Главным противоречием, породившим русскую революцию, считалось сопротивление традиционных укладов (община, крепостничество) прогрессивному капитализму. Исходом революции в любом случае будет «чисто капиталистическое» хозяйство. В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России» (1908 г.) Ленин дает две альтернативы буржуазной революции: «На данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода:

Либо старое помещичье хозяйство... сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, “юнкерское” хозяйство... Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические... Либо старое помещичье хозяйство ломает революция... Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества» [53, с. 14–15].

Эти предвидения не сбылись. Революция свершилась, а капиталистического хозяйства как господствующего уклада не сложилось. Тезис о том, что революция была буржуазной, не подтвердился. Сегодня более убедительной надо считать концепцию, которая представляет русскую революцию как начало мировой волны крестьянских войн, вызванных именно сопротивлением крестьянского традиционного общества против разрушающего воздействия капитализма (против «раскрестьянивания»). В колыбели капитализма, Западной Европе, эти «антибуржуазные» революции потерпели поражение, а на периферии – победили или оказали огромное влияние на ход истории. Это революции в России, Китае, Мексике, Индонезии, Вьетнаме и Алжире.

Если так, то данный Лениным в «Развитии капитализма в России» диагноз и главного противоречия, и движущей силы, и альтернативных исходов революции был ошибочным.

Именно урок революции 1905–1907 годов и сопротивление реформы Столыпина заставили Ленина пересмотреть представление о роли крестьянства в русской революции. В июле 1905 года возникла первая в истории общенациональная крестьянская организация – Всероссийский крестьянский союз. Уже на учредительном съезде он высказался против частной собственности на землю. К концу 1907 г. Союз прекратил существование, но роль сыграл большую. Ленин писал о нем: «Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, но, безусловно, “почвенная”, реальная организация масс, безусловно, революционная в своей основе».

Трудно было отказаться от авторитетной доктрины, и Ленин сформулировал весьма противоречивое объяснение типа революции: буржуазная, вопреки контрреволюционной буржуазии. Он публиковал три статьи на эту тему (в т. 17 Полного собрания сочинений). В статье «О природе русской революции» (8 апреля 1908 г.) он пишет: «Природа великой буржуазной революции в крестьянской России такова, что только победа крестьянского восстания, немыслимая без руководящей роли пролетариата, способна привести эту революцию к победе вопреки имманентной контрреволюционности буржуазного либерализма».

В статье «К оценке русской революции» (23 мая 1908 г.) сказано: «Победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата – все эти обстоятельства придают нашей буржуазной революции особый характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции (как пытались представить дело Мартов и Плеханов в своих более чем неудачных замечаниях о позиции Каутского). Эта особенность обуславливает лишь контрреволюционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы в такой революции» [99].

В статье «“Левение” буржуазии и задачи пролетариата» (8 апреля 1909 г.) дана особенно парадоксальная формулировка: «Первая кампания нашей буржуазной революции (1905–1907 годы) неопровержимо доказала полную шаткость и контрреволюционность нашей буржуазии, доказала способность нашего пролетариата быть вождем победоносной революции, доказала способность демократических масс крестьянства помочь пролетариату сделать эту революцию победоносной» [100].

Принципиально Ленин отошел от понятия буржуазной революции (стараясь не обострять конфликта) после февраля 1917 г., в Апрельских тезисах. С этого момента его главные стратегические установки шли вразрез с «всеобщими законами» исторического материализма. Но официальное советское обществоведение не поднялось до того, чтобы это объяснить. Т. Шанин писал: «Плодотворная противоречивость творческого ума Ленина попросту отрицается».

В дальнейшем даже К. Каутский признавал несводимость революции 1905–1907 годов к формуле «буржуазной революции»: «Русская революция и наша задача в ней рассматривается не как буржуазная революция в обычном смысле, не как социалистическая революция, но как совершенно особый процесс, происходящий на границах буржуазного и социалистического обществ, служа ликвидации первого, обеспечивая условия для второго и предлагая мощный толчок для общего развития центров капиталистической цивилизации».

Т. Шанин пишет: «Какими бы ни были ранние взгляды Ленина и более поздние комментарии и конструкции, он был одним из тех немногих в лагере русских марксистов, кто сделал радикальные и беспощадные выводы из борьбы русских крестьян в 1905–1907 гг. и из того, в чем она не соответствовала предсказаниям и стратегиям прошлого. Вот почему к концу 1905 г. Россия для него уже не была в основном капиталистической, как написано в его книге 1899 г.» [8, с. 279].

Это – совершенно новая трактовка революции, *протест против надвигающегося капитализма* никак нельзя назвать буржуазной революцией! Ленин осторожно выдвигает кардинально новую для марксизма идею о революциях, движущей силой которых является не устранение препятствий для господства «прогрессивных» производственных отношений (капитализма), а именно *предотвращение* этого господства – стремление не пойти по капиталистическому пути развития. Можно даже сказать, что крестьянская революция была более *антибуржуазной*, нежели пролетарская, ибо крестьянство и капитализм несовместимы, а капитал и труд пролетария – лишь партнеры на рынке, спорящие о цене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.